

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ СЛАВІСТИКИ

Светлана Бесчётникова

МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ В ПЬЕСЕ В. СУХОРУКОВА «ЧЁРНОЕ И КРАСНОЕ, ИЛИ МАРИУПОЛЬСКИЙ КЛАД НЕСТОРА МАХНО»

У статті проаналізовано особливості художнього зображення історії в п'єсі мариупольського драматурга В. Сухорукова «Чорне та червоне, або Мариупольський скарб Нестора Махно» та історико-літературні передумови актуалізації анархістських ідей. Твір визначено як лірико-філософську історичну драму, що наслідує традиції реалістичної літератури, проаналізовано особливості художньої інтерпретації образу Нестора Махно (Міхненко), поетику тексту.

28 ноября 2009 года в Донецком академическом ордена Почета областном русском драматическом театре (г. Мариуполь) состоялась премьера пьесы Виктора Сухорукова «Черное и красное, или Мариупольский клад Нестора Махно», поставленная главным режиссёром театра Константином Добруновым. Произведение посвящено наиболее сложным и трагическим периодам истории Приазовья: гражданской войне 1919 года, репрессиям 1937 года, индустриализации Мариуполя. Художественный мир пьесы воссоздан в исторической ретроспективе через воспоминания личного телохранителя, адъютанта и земляка Нестора Махно – Ивана Лепетченко.

Написанию произведения на историческую тему всегда предшествует кропотливая работа автора над документальными источниками, которая должна помочь художнику сохранить историческую достоверность фактов и событий, а также восстановить детали быта, нравы, традиции, обычаи, дух и колорит изображаемой эпохи. Классические образцы исторической драмы А. Островского, А. Толстого, Б. Шоу, П. Мериме, Б. Клейста не только хранят духовную и историческую память человечества, приводя читателя к познанию социальных, философских, нравственных законов развития мира, но и восполняют белые пятна в истории, генерируют осмысление новых научных и нравственных истин.

Литературная критика после премьеры спектакля откликнулась целым рядом положительных рецензий в местной и региональной прессе. Однако, за комментариями к информационному поводу, к событиям истории города Мариуполя остались скрытыми достаточно значимые вопросы о художественной и эстетической ценности произведения, проблематике и поэтике рассматриваемого текста. Насколько реализованы жанровые ожидания в произведении «Черное и красное, или Мариупольский клад Нестора Махно»? Что предопределило актуализацию анархо-синдикалистских идей и их переосмысление? Каким увидел автор в своей пьесе образ легендарного батьки Махно? Цель данной статьи рассмотреть особенности художественного осмысления истории в пьесе Виктора Сухорукова «Черное и красное, или Мариупольский клад Нестора Махно» с помощью решения следующих задач: анализа исторической литературы, посвящённой пребыванию Н. Махно в городе Мариуполе, истории создания произведения; сравнения образа Нестора Махно с другими художественными и историческими интерпретациями; определения жанрового своеобразия

произведения и его поэтических особенностей с помощью описательного, сравнительно-исторического, историко-типологического методов.

История создания произведения достаточно показательно представлена несколькими фактами. Как свидетельствует автор в интервью газете «Факты и комментарии», толчком для написания пьесы послужил выход в свет в 1995 году книги его земляка мариупольского краеведа Льва Яруцкого «Махно и махновцы [1]». Это стало поводом для поиска материалов, людей, которые, когда-то знали личного телохранителя и адъютанта Махно, а также основанием для запроса в архивах СБУ «Уголовного дела Ивана Лепетченко», которого ОГПУ арестовывало 11 раз. В пьесе основные сцены опираются на реальные исторические факты: так, например, акт первый, эпизод второй описывает лагерь Махно в Волновахе в марте 1919 года; эпизод пятый – митинг у гостиницы «Континенталь» с участием командующего Украинским фронтом Владимира Антонова-Овсеенко, зав. женотделом ЦК ВКП (б) Александры Коллонтай, начальника контрразведки анархистов Лёвы Задова и других реальных исторических лиц. Достоверность и правдоподобие происходящего усиливают детали: например, фотографирование Махно на станции Волноваха, необыкновенные кулинарные способности казачки с Кривой Косы (намывная песчаная коса на северо-восточном побережье Азовского моря, примерно в 50 км от Мариуполя), упоминание мариупольских улиц (например, ул. Митрополитской) и героев гражданской войны, память которых увековечена в городе Мариуполе монументами (например, Кузьма Апатов).

Обращение к теме на уровне массового сознания свидетельствует об актуализации, связанных с мифами о Махно и махновщине идей, выходящих по своей художественной семантике далеко за пределы рассматриваемого автором исторического прототипа. Настроения периода гражданской войны во многом оказались созвучными духу постсоветского времени, царящему на рубеже веков в разделённой идеологическими противоречиями и политическими противостояниями независимой Украине. На этом фоне, как и на рубеже веков предшествующих, всё также трагично выглядит поиск отдельно взятым человеком правды и свободы в хаосе призывных лозунгов, нескончаемых революций и социальных перемен. В Украине эти настроения спровоцировали возрождение анархистских движений с особо активной идеологической позицией отделений в Харькове, Севастополе, Одессе. Ещё одна причина, по которой тема Махно и махновщины стала актуальной для Приазовья – это восстановление исторической справедливости. Группа мариупольских анархо-синдикалистов обращалась в городской совет с просьбой увековечить память Нестора Махно и соорудить ему монумент как герою гражданской войны на месте снесённого памятника А. Жданову. Советская история умалчивала реальную роль войск Махно при освобождении Мариуполя. Именно за операцию 27 марта 1919 года он получил Орден Красного Знамени под номером четыре. Заслуги армии Махно, как свидетельствуют историки, во многом приписаны 1-й Заднепровской советской стрелковой дивизии и её начдиву коммунисту Павлу Дыбенко [7].

Основным принципом повстанческого движения Махно, сформулированным его учителем и историографом П.А. Аршиновым, является отрицание любой государственной власти, в том числе

отрицание и средствами активной революционной борьбы. В пьесе усилена до лейтмотива идея исключительного свободолюбия Махно и махновцев. Именно ей подчинены проблематика и поэтика произведения. Олицетворением свободы для Нестора Махно является степь. «Ты нашу степь, Ваня, видел? Только там человек свободен. Ковыль волнами – до горизонта. Над головой – Млечный путь, шлях наш Чумацкий. И нет над человеком ни бога, ни начальника – только воля [3, с.6]». Остаётся лишь домыслить, почему в Гуляйполе и Мариуполе спрятал Батько свои сокровища, куда хотел возвращаться. В Гуляй-поле или в Море-у-поля, где степь, ковыль и ... свобода.

На фоне исторических событий в произведении раскрываются извечные общечеловеческие темы любви, верности, справедливости. В подзаголовке пьеса «Черное и красное» названа «романтической версией одного убийства». Трудно не обратить внимание на то, что автор в пьесе отдал дань постмодернистской культуре с её приверженностью к смешению популярных жанрово-тематических канонов детектива, боевика, любовного романа. Для них острая интрига, поэтические мотивы поиска клада, погони, спасения возлюбленной являются характерными. Но при всей разноплановости сюжетных линий, разнообразии элементов разных жанров в пьесе всё сводится к единому центру – изображению махновщины как символа абсолютной свободы, что и определяет идейно-тематическое своеобразие произведения.

Декларирование «советского строя» для «вольных хлеборобов» на Украине имело широкую поддержку. Армия Махно в 1920-е годы быстро пополнялась добровольцами, что также было связано с популярностью мифоутопических представлений о вольнице Запорожской Сечи.

Приём контраста делает идею свободы в пьесе наиболее зримой. Контраст использован автором в качестве обрамления, сочетающего не сочетаемое: динамично-патетическую авторскую песню В. Высоцкого «Пожары» с раздольной песней о чистом поле и картинами сельской идиллии. Контрастируют до оксюморонности мечты Нестора Махно о всеобщем счастье с эпизодами из его жизни во Франции 30-х годов. «Глядите, весна пришла. Если карта в масть ляжет завтра Мариуполь возьмём! Скоро вишни зацветут! Вся жизнь впереди... Вот посмотрите, совсем скоро ни насилия не будет, ни войн, ни тюрем. Счастье для всех! [3, с.12]». Высокие идеалы всеобщего счастья, равенства и братства позже были дискредитированы насилием над собственным народом. Многие представители советской творческой интеллигенции горько разочаровались в ТОМ, ВО ЧТО на их глазах превращались революционные идеалы. В этом плане очень показательна и трагична судьба основателя литературы социалистического реализма, «буревестника революции» Максима Горького.

На поэтику контраста опирается и структура произведения «Черное и красное», чередующая в сознании рассказчика Ивана Лепетченко разные пространственно-временные отрезки: пронизанные героическим пафосом победы события гражданской войны 1919 года с охваченными горьким пессимизмом репрессий событиями 1937 года.

Художественное изображение образа Махно, одного из наиболее значительных деятелей революции и гражданской войны на Украине, в пьесе «Чёрное и красное» намного ближе к легендарно-мифологической интерпретации, чем к реалистической. В ходе повествования о

пребывании частей Нестора Махно в Волновахе, Мариуполе, при описании его скитаний в Париже проявляются исключительно героические черты персонажа. Нестор Иванович Махно (Михненко) в пьесе изображён романтиком, человеком щедрой души, смело и решительно отстаивающим идеалы крестьянства. Приблизить героя к читателю и зрителю автору удаётся за счёт бытовых ситуаций. Махно парит ноги, чтобы избавиться от простуды; фотографируется на память; увлечённо мечтает. Небольшого роста, горячий и нетерпеливый, он щедро делится с крестьянской громадой Мангуша в лице Спиридона Дерменджи царскими банкнотами, гостеприимно угощая народного ходока. Он проявляет отцовскую заботу об Иване Лепетченко, после гибели Спиридона передаёт помощь его семье, через много лет в Париже в своих снах переживает об убитых им людях, а Ивана просит – если будет не в состоянии, то отдать клад «... не власти, не начальникам ... Людям [3, с.35]». Нестор Махно в произведении Виктора Сухорукова не только романтик революции, как его называет Антонов-Овсеенко. Он ещё и романтик «по жизни», который на вопрос о теории Коллонтай, упрощённо сравнивающей отношение между мужчиной и женщиной со стаканом воды, удивлённо спрашивает «Паша ... А как же любовь? [3, с.16]». При этом герой не лишён эксцентричности, на что часто при изображении Махно обращал внимание советский кинематограф. Например, приговорённого к расстрелу деникинца, который кричит «Не надо! Не хочу умирать!» Батько милует фразой «Опа! А этого не надо: он не хочет! [3, с.35]». На телеграмму комдива Киселёва отвечает просто – «Застрелись! [3, с.5]».

Документы и исторические исследования дают достаточно противоречивую оценку жизни и деятельности Нестора Махно. Его книга «Воспоминания. Русская революция на Украине (от марта 1917 по апрель 1918 г.)», вышедшая в Париже в 1929 году, посвящена памяти товарищей, погибших в борьбе «свободное, безвластное коммунистическое общество [4, с.3]». Увлечённость идеалами, революционный максимализм, широта души характеризуют многие поступки Махно. К примеру, побывав в Бутырской тюрьме в январе 1918 года, он пишет: «Мне, лично сидевшему два раза в этой тюрьме, знавшему, какая она грязная и тяжёлая, больно было выходить из её ворот, не освободив никого, ... после обеда мы собрались все и решили взяться за дело. Тюрьма была разгружена от арестованных [3, с.117]». Конечно, в своих книгах Нестор Махно вспоминает о победах, о том, во имя чего боролся, видя себя героем-освободителем и мессией. Этот взгляд на личность Махно содержится и в комментариях его соратников. В. Волин в предисловии к изданию второй книги воспоминаний Махно «Под ударами контрреволюции (апрель-июнь 1918)», вышедшей в 1936-1937 годах, даёт достаточно ёмкую характеристику Махно: «Перед нами встаёт яркий образ человека, целиком и бесспорно преданного своей идее [5, с.4]». Учитель Нестора Махно, участник и очевидец революционных событий, анархист П. Аршинов, первым попытался систематизировать исследования махновщины, опираясь на архивы Махно, материалы газеты «Путь к свободе», биографические данные участников движения. Подробно останавливаясь на описании личности Махно, П. Аршинов отмечает исключительную силу воли, способность непрерывной генерации «исторического действия», военный талант и решительность. «Он весь горел своим делом. Во всех

его движениях сказывались ум, сила воли и проницательность. Тогда он целиком был занят южным противоденикинским фронтом. Энергия, проявленная им в этом деле, – колоссальна. Целыми неделями и месяцами он дни и ночи был на фронте, обычно в цепи, наряду с прочими повстанцами [6, с.205]». Как утверждает Аршинов, Махно был фанатично предан своему классу – «бесправному и подневольному беднейшему крестьянству», они же называли его «Батько – наш» с особенной любовью. Пытаясь достичь в освещении Махно и махновщины объективности П. Аршинов к недостаткам Махно относит его беззаботность, недостаточную теоретическую подготовку, при этом, оправдывая данные качества условиями, в которых рос и жил Махно.

Иной взгляд даёт советская историческая наука: «Нестор Иванович Махно – один из вожаков мелкобуржуазной контрреволюции на Украине ... хитрый, коварный и жестокий враг диктатуры пролетариата и Коммунистической партии [6, с.199]». Нужно подчеркнуть, что в 90-е годы появилось немало исторических работ, пытавшихся дать не тенденциозное описание жизни и деятельности Махно. Наиболее основательной следует признать работу В. Волковинского «Нестор Махно: легенди і реальність» (1994), которой автор приходит к достаточно широкому обобщению и доказывает, что Махно и махновщина по-сути отразили противоречивое отношение крестьянства к советской власти на разных этапах революционного процесса. Таким образом, анализ исторических документов и исследований свидетельствует о многогранности представлений образа Нестора Махно, порождённых не только внутренними противоречиями личности «Батьки», но и самой эпохой. Идеологические позиции зачастую определяют оценку деятельности Нестора Махно, модус этой оценки колеблется от восторженного отношения и восхищения до полного неприятия и осуждения. Гражданская война и революционные события заострили многие чувства, люди неистово защищали правду, а правда была у каждого своя. Наиболее ярко и трагично идеологические расколы внутри трудовых коллективов и семей изобразил в романе «Тихий Дон» Михаил Шолохов. Но при всём многообразии разногласий исследователи едины в оценке значительности для истории личности Нестора Махно, человека, искренне преданного идее освобождения народа от всяческого гнёта.

На этом фоне образ Махно в художественной интерпретации В. Сухорукова также приобретает своё значение. При всех возможностях упрекнуть автора в искажении правды исторической, трудно упрекнуть его в неверности правде художественной. В романе представлен взгляд на Махно Ивана Лепетченко, преданного помощника, земляка и друга, которому «Батько» доверил охрану клада. Поэтому акцентирование сильных сторон его личности является в структуре сюжета вполне закономерным.

Сравнение образа Нестора Махно в пьесе «Чёрное и красное» с другими художественными интерпретациями позволяет обнаружить тенденцию, указывающую на возрождение интереса к данному историческому персонажу. Причём, если в советской литературе образ Махно зачастую демонизировался, то в постсоветское время наметилась тенденция к его идеализации. В произведениях Эдуарда Багрицкого «Дума про Опанаса» (1926), Всеволода Иванова «Пархоменко»

(1939 г.), Алексея Толстого «Хождение по мукам» (1922-1941) данный исторический персонаж изображён как бандит-атаман, руководствующийся лозунгами: «Анархия – мать порядка!», «Бей жидов и грабь буржуев!» (В. Иванов «Пархоменко»), в нём «кипит злоба» (А. Толстой «Хождение по мукам»). Эта злоба – как судьба, с которой ни сам Махно, ни окружающие его люди ничего не могут поделать: «Махно гулял. В добытой после налета на Бердянск гимназической форме колесил на велосипеде напоказ всему городу, или вместе со своим адъютантом Каретником пел песни под гармонь, или появлялся на базаре, злой и бледный, ища ссоры, но все от него прятались, зная, как легко у него из кармана штанов вылетает револьвер [8, с.159]». В романе Олеся Гончара «Собор» (1968), напившись, Махно долго выкрикивает угрозы сжечь собор. Про батьку Махно в гротескно-гиперболической форме рассказывал советский кинематограф в лентах «Свадьба в Малиновке», «Служили два товарища», «Александр Пархоменко», «Мария». Совсем по-другому выглядит Махно в написанном в 2007 году романе Михаила Веллера «Махно», который появился почти одновременно с сериалом «Девять жизней Нестора Махно» режисера Николая Каптана. В интервью газете «Собеседник» от 09.07.2007 Михаил Веллер называет Нестора Махно «классическим Робин Гудом, производившим перераспределение имущества по самой простой схеме: ограбить и раздать». Он считает, что многими Махно воспринимается как символ борьбы с государственным насилием [9, с. 8]».

Теоретической мыслью (Аристотель, Шеллинг, Гегель, Белинский и др.) драма традиционно оценивается как «венец искусства», благодаря своей возможности соединить вербальные и невербальные средства выражения, достичь посредством синтеза искусств большей экспрессивности. В пьесе «Красное и чёрное» ключевую роль играют авторские ремарки, которые формируют архитектуру произведения, через них «оживают» настроения, костюмы, музыка и сценография, предопределяя употребление речевых стилей и особенности актёрской игры. Поэтика контраста, основанная на чередовании хронотопов, порождает столкновение близких во времени, но абсолютно разных исторических эпох, ленинской романтически-революционной и сталинской трагически-тоталитарной. Только человек в этом водовороте истории (которым предстаёт у В. Сухорукова его герой И. Лепетченко) в потоке социальных переворотов по-прежнему лишён главного – свободы и личного счастья, принесенных на алтарь идеологии. Конфликт между долгом и личным счастьем человека подчиняет существующие в пьесе коллизии и позволяет определить пьесу как лирико-философскую историческую драму.

На данные историко-литературные аналогии исследователя наталкивает и название произведения «Чёрное и красное, или Мариупольский клад Нестора Махно», которое является аллюзией на известный роман Стендаля «Красное и чёрное». Следование традициям классической реалистической литературы просматривается на интертекстуальном уровне, в стремлении автора воссоздать эпоху через судьбу маленького человека. При этом в эпиграфе к роману Стендаля вынесены слова: «Основной закон для всего существующего — это уцелеть, выжить ... [10, с.3], которые во многом коррелируют с проблематикой рассматриваемого произведения. Через семиотику

цветовых знаков чѣрное и красное в рассматриваемом произведении мариупольского автора читаются прежде всего на идеологическом уровне как противостояние «красной» символики коммунистов и «чѣрной» символики анархистов.

Среди произведений современной драматургии, тяготеющих к апологетико-миметическим и символично-игровым жанровым формам, пьеса В. Сухорукова «Красное и чѣрное» выглядит наследницей классических традиций. Появление подобных художественных текстов ставит под сомнение тезисы постмодернистских критиков о «бунте жанра исторической драмы», её трансформации в иные жанрово-стилевые образования. Роль произведений такого рода состоит в поиске и восстановлении исторической правды, нравственных уроках истории, сближении глобальных, транснациональных и региональных проблем в читательской рецепции с целью их осмысления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яруцкий Л. Махно и махновцы. – Мариуполь: Б.и., 1995. – 365 с.
2. Смирнова Е. "Один ящик белогвардейского золота Махно зарыл под Гуляйполем, а еще два – в Мариуполе" // Факты и комментарии. – 2010. – № 2 (6 января). – С. 3
3. Сухоруков В. К. Чѣрное и красное, или Мариупольский клад Нестора Махно // Рукопись. – Мариуполь, 2009. – 41 с.
4. Махно Н. Воспоминания. Русская революция на Украине (от марта 1917 по апрель 1918 года). – Книга 1. – Париж-Киев: Украина, 1929. – 211 с.
5. Махно Н. Воспоминания. Под ударами контрреволюции (апрель-июнь 1918 г.). – Книга 2. – Париж-Киев: Украина, 1936. – 183 с.
6. Махно Нестор Иванович // Советская историческая энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – Т. 9. – С. 201-202.
7. Аршинов П. История махновского движения (1918-1921). – Запорожье: Дикое поле, 1995. – 238 с.
8. Волковинський В. Нестор Махно: легенди і реальність. – К.: Перліт Продакшн, ЛТД, 1994. – 256 с.
9. Суранова М. Веллер М: Махно-наш Че Гевара // Собеседник. – 2007. – № 26 (09.07). – С. 8.
10. Стендаль. Красное и чѣрное: Пер. с фр. С. Боброва и М. Богословской. – М.: Правда, 1989. – 560 с.

SUMMARY

This thesis deals with the peculiarities of history depicting in the play of mariupol author V. Suhorucov "Black and Red, or Nestor Mahno Mariupol treasure" and historical preconditions of anarcho-syndicalist ideas revival. Literary text is defined as a lyric-philosophical historic drama, which inherits realistic literature traditions. Peculiarities of Nestor Mahno image depicting and texts poetic has been defined.

Олена Єременко

ТЕОРЕТИЧНІ АСПЕКТИ КОРЕЛЯЦІЇ СИНТЕТИЧНИХ ТА СИНКРЕТИЧНИХ ПРОЦЕСІВ ТВОРЕННЯ ХУДОЖНЬОГО ОБРАЗУ

У статті диференціюються поняття синкретизму художньої образності та синтезу як вагомий характеристики мистецького світу тексту. Передусім заакцентований широкий спектр наукових трактувань поняття "синкретизм", що дозволяє довести можливість його функціонування на усіх рівнях аналізу тексту. У широкому науковому контексті виформовується концепція синкретизму художньої образності – домінуючої рушійної сили художнього початку твору.